

ЯЗЫК ЗЕМЛИ КОКШЕНЬГСКОЙ

Т.А. Бернштам

Возможные интерпретации возникновения, этимологии и эволюции групповых этнонимов

Важнейшее значение для духовного аспекта локальной проблемы имеет вопрос происхождения и этимологической эволюции групповых этнонимов. Но поскольку в исследуемом ареале, как в России вообще, серьёзный этимологический анализ без знания неславянских, в частности финно-угорских (а возможно, и тюркских), языков несостоятелен, могу лишь предложить некоторые соображения. <...>

Кокшара – Кокшеньга. <...>

Слово «кокшара» не есть производное от гидронима Кокшеньга, иначе бы этноним был образован с помощью обычных для северных антропонимов суффиксов «к» – *вельски* или «ян/ан» – *пучужана*. Между тем этот этноним, по письменным источникам достаточно древний, приведён в грамоте XV века (1453 год) в написании, не производимом от топонима Кокшеньга: «Князь Иван... город К о к ш е н ь г с к и й взял и к о к ш а р о в секл множество» (разрядка моя. – Т.Б.) (Устюжский летописный свод... С. 82). Е.К. Огородников отождествлял Кокшенгский город с Ракуло-Кокшеньгским погостом, из чего как бы явствует, что кокшарами названы его жители (Огородников, 1877. С. 136). Я принимаю мнение ученого в качестве отправного пункта рассуждений, ибо «городом» в то время мог быть назван только погост, которого вниз по реке до устья не было, и поселения начинались от него вверх по течению. Следовательно, речь идет, видимо, о населении определенного участка нижней Кокшеньги.

Термины «кокшара» и «Кокшеньга» – несомненно нерусского происхождения (1), но поскольку впервые они появляются в русской письменной традиции, т.е. достаточно давно вошли в русскую языковую систему, я произвожу анализ с позиции возможных путей их русского освоения (2).

Кокшара. В «Словаре русских народных говоров» слова «кокша» нет, но есть родственные образования с корнем «кок/кук»: *кокуй* – «трава/растение (упоминаемая в знахарских рукописях без указ.места)» и *ку́кша*, со

1. Слово *кóкша* широко распространено на юге Карелии (Евсеев, 1967. С. 152).
2. В этом разделе я пользуюсь понятийно-терминологическим аппаратом и выводами современной ономастики об общих закономерностях языковых процессов народной номинации и этимологизации (Подольская, 1978)

ссылкой на Подвысоцкого, где слово означает «ятрышник широколистный» (и хищную птицу неизвестного вида). (СРПГ, 1978. С.103 – 104 ; Подвысоцкий, 1885. С. 77). Этнограф Т.А. Воронина, несколько лет собиравшая на Вологодчине материал по народной пище, записала в Тотемском районе название *кокша* в значении «головки клевера» (Воронина, 1992. С. 80). В.И. Даль под собирательным понятием «клевер» приводит несколько разновидностей, среди которых названы: *кашка* – дикий/черный хмель и *кашкára* – заросли черногрива, именуемого в народе «пьяной травой» (Даль. Т. II. С. 100, 115; Т. IV. С. 554)

Общая этимология слов «кокша–кашка» (растение одного вида – клевер) говорит об их п а р а л л е л ь н о м – одновременном функционировании разных номинаций одного объекта; при этом вторая форма выглядит разговорной (практической) транскрипцией первой, с некоторым изменением её фонетического облика (переогласовкой). Если «кокша» – исконно нерусское слово (карельское?), то о древности включения субстрата в русский язык свидетельствует его длительная жизнь в нем: от времени новгородских берестяных грамот, в одной из которых есть запись «а в кокше» (Подольская, 1978. С. 127), до современной севернорусской растительной номенклатуры.

Единая этимология и собирательность морфем «кокша-кашка-кашкара» позволяет присоединить к ним и слово «кокшара», по образцу которого, возможно, и возникло русское суффиксное образование «кашкара». Лексемы «кокша» и «кашкара» в древнерусской письменности употребляются как топонимы: новгородское понятие в «кокше» означает указание местности, а топоним Кошкара (=Коскара) – одно из владений (земля или река) Ивана Владимировича Ростовского на нижней Варе (...). Допустим, что оба древнерусских топонима этимологизируются как «растительные», говорящие о характерном признаке местности – зарослях дикого хмеля (черногрива). Тогда этимологию нижеважского топонима Кошкара можно приложить и к нижекоксеньгскому владению того же князя, чему, в свою очередь, есть природные основания: между Ракуло-Кокшеньгским погостом и правобережным притоком Кулоя Сельменгой на карте начала XX века отмечена озерно-болотистая местность с двумя гидронимами, явно отражающими её растительную специфику, в частности – хмелевые заросли: озеро-болото Ч е р н о е и река Х м е л е в а (вытекающая или впадающая в него). Несомненно, что эти русские гидронимы – калька каких-то субстратных форм. Название «Хмелева» может быть прямым переводом лексемы типа «кокшара-кошкара», её, таким образом, здесь перекрывшим, в отличие от нижеважского топонима — некалькированного, а потому сохранившегося в более архаической передаче. Следуя логике рассуждений, я предполагаю, что и насельники обеих сходных в природном отношении локальных вотчин ростовского князя именовались о д н а к о в ы м и топонимами, что отчасти подтверждается и поздними этнографическими данными: нижеважский экзоним «ко(а)скаряна» – суффиксное производное от «ко(а)шкара» (...), а следовательно, по нашей версии, – от «кокшара».

Невозможно доказать, какую функцию исполнял этноним «кокшара» применительно к жителям Ракульско-Кокшеньгского погоста XV века – эндонима или экзонима. Полевое обследование скорее говорит в пользу первого: напомним, что жители нижнего-среднего течения Кокшеньги сами себя никак не выделяли, слобожана объединяли их с населением нижней-средней Устьи в «усьян». Более или менее выраженная функция этнонима как самоназвания появлялась в поселениях верхнего бассейна реки примерно со Спасских волостей (...), и, судя по мнению местной интеллигенции XIX века (Едемский и др.), восходила к древнему «новгородско-чудскому» прошлому. Возникает предположение: не зародился ли автоэтноним «кокшара» в в е р х н е – к о к ш е н ь г с к о м бассейне и впоследствии как бы «спустился» вниз по реке в виде экзонима? Положительное решение вопроса допустило бы идентичность «хмельной» этимологии этнонима в его обеих функциях на одном речном пространстве – эндонима (Верх) и экзонима (Низ). Обратимся к историко-этнографическим данным.

К XVI веку хмелеводство в верхококшеньгских волостях не просто представляло развитую земледельческую отрасль, но являлось специфической чертой местного хозяйствования, на ранних этапах «русского» заселения несомненно отличавшей пришлых жителей от ближайших соседей. Этот хозяйственный признак имел в социо-культурной жизни населения не только профанное – практическое, но и сакральное значение, на что указывает такой важный факт, как наличие «мотива хмеля» в легенде об атаманах-первопоселенцах края (...): к одному из них – Силе возводится род хмелеводов Силиных, фигурирующих в хозяйственных актах XVI–XVII веков. Легендарная связь первооселения с главным хозяйственным занятием говорит о придании локусу высшего смысла: реализация связи его природного назначения с культурным освоением. Сакральное значение хмеля в более «чистом» виде проявлялось в изготовлении из него пива для праздников, которые, напомним, носили название «пивные (=хмельные)». По мере социализации этнонима основной мотив его номинации, как это обычно происходит, был переосмыслен соседями в нравственном аспекте и способствовал появлению сторонней негативной оценки его носителей. Так, в XIX веке население ближнего Посухонья приписывало кокшарам буйный, дерзкий и грубый нрав (Попов, 1863. С. 123), что в сочетании с их атаманским прошлым этимологизировало этноним как «разбойник во хмелю».

Таким образом, содержание и эволюция этнонима «кокшара» в русском восприятии термина позволяет перевести его первичное значение понятием х м е л е в о д ы.

Этот вывод, естественно, не снимает проблемы исходно иноэтничной мотивации социо-сакрального происхождения и содержания этнонима, а также переходных межэтнических модификаций и этимологизаций. Предпринятые мною попытки выявить родственные лексеме «кокшара» формы в языках этносов, предки которых до русских и вместе с ними заселяли Двинско-Важский бассейн, привели меня к убеждению, что процессы развития «живого»

языка, а тем более его архаические мировоззренческие стадии, невозможно интерпретировать без учёта психологического фактора. Строгий языковедческий анализ даёт нам материал для выяснения процесса происхождения природно-социальных номинаций, но не решает проблему их символической духовной мотивации. Поэтому я ограничусь некоторыми соображениями о возможных нерусских аспектах протозтнонима «кокшара» и его гидронимического «антипода» Кокшеньга.

О самом «темном» этапе, с которым археологи связывают этнически не идентифицирующийся местный пласт, говорить не приходится. За древний иноэтничный приоритет в севернорусской топогидронимии, отражающий так называемый «чуждской» период заселения, главная борьба развернулась между сторонниками пермского и прибалтийско-финского языковых субстратов. На этом фоне недостаточное внимание уделяется компонентам поволжской языковой системы в объёме не только финно-угорских, но и тюркских языков, которые могли появиться на Севере до областных переселений из древнерусских центров Верхней Волги.

Лексикологические изыскания в марийском и чувашском языках показывают несомненное участие их носителей в формировании севернорусской топонимики (3) (Русская историческая география..., 1910. С. 93), а следовательно, и топонимии, что нельзя с определённой отнеси только ко времени послевепской колонизации (...). В упомянутых языках я обнаружила ряд родственных русским форм. Во-первых, – *кокша/кукша/күкшӧ* (мар.), *кукша* (чув.), отсутствующие, к примеру, в прибалтийско-финских языках; во-вторых, – практически тождественную гидрониму Кокшеньга марийскую лексему *кокшан'аш* и близкую звуковую аналогию севернорусскому гидрониму Кокшарка (речка в Тотемском крае) в чувашском слове *кукрашк/а* (Марийско-русский словарь..., 1991. С. 121, 140, 150, 402; Чувашско-русский словарь, 1982. С. 191). При этом семантика марийско-чувашских слов кокша/кукша и марийского производного кокшан'аш та же, что и первой основы составного гидронима Кокшеньга (*kok/kyk* – фин., кар.; *kykkaz* – вепс.) (Финско-русский словарь, 1975. С. 248; Муллонен, 1985. С. 102) – «возвышенность/высокий». Этимологию чувашского слова *кукрашк/а* («извив», «изогнутый») допустимо привлечь для реконструкции одного из природных мотивов, заложенных в гидрониме, – «извилистая река», чему характер верхнего течения Кокшеньги даёт самые непосредственные основания. И, наконец, следует учесть влияние гидронимов Большая и Малая К о к ш а г а в Ветлужском бассейне, которые, так же как и Кокшарка (Кукрашка?), вполне могли быть перенесены на север финнами (мари, мордва) или тюрками (чуваши) (ср. старое название город Котельнич – К о к ш а р о в). Не исключено, что каждый из гидрони-

3. Марийские топонимы, по Кузнецову, распространяются: по верховьям Унжи до Сухоны, по Северной Двине до устьев рек В. и Н. Тойма, в юго-западной части Никольского уезда, по сухонским местностям Тотемского, Кадниковского, Вологодского и Сольвычегодского уездов.

мов появился в разных концах (частях) реки и один был вначале названием В е р х а – К о к ш а р (к) а, а другой Н и з а – К о к ш а г а. Ведь не случайно много веков спустя верховые кокшара все еще воспринимали «край Кокшеньгу» (Низ) как чужой (...).

Не менее трудно исследовать прибалтийско-финский этап в этимологии гидронима Кокшеньга. В этом случае необходимо учитывать самостоятельность двух основ лексемы: обе они встречаются в исследуемом ареале в качестве гидронимов.

Есть некоторые основания предполагать, что слово «кок» возникло вначале как обозначение низовой части реки Устья, точнее её микроландшафта в месте впадения Кокшеньги – возвышенности. Эти основания видятся мне в современном представлении приустьинских слобожан о проживании «настоящих усян»: «Там, з а К о к ш е н ь г у» (...). Не подразумевается ли в понятии «за Кокшеньгу» местность под названием Каменная гора, а не река Кокшеньга? Возникнув как топоним, название могло распространиться на реку, протекающую вдоль возвышенности, но до известного рубежа; возможным его реликтом является гидроним в правобережном бассейне Средней Кокшеньги – река Кокуй.

Лексема «шень» ни в каком топонимическом виде в поздних картах по Кокшеньге не прослеживается. Есть одна зацепка, с помощью которой я осмеливаюсь предложить гипотезу об участии антропонима в номинации реки (такой процесс языковедам известен). Выше (...) я приводила легенду о сражении православных жителей семи верхнекокшеньгских волостей с коренным населением – черной чудью. Слово «черная», судя по одноименному названию притока реки Шеньга, является русским переводом термина «шень» (га – река, фин.). Вспомним, что современные ваганы под названием «шень» подразумевают потомков чуди; с точки зрения «культурных» людей, антропоним «шень» этимологизируется как «дикие, лесные=черные» жители. Этимология имеет древние обоснования, так как местности с названиями Шеньга или Едма (Едома, Емца) уже в XIV–XV веках обозначали отдалённые лесные угодья, пустоши, выгоны для скота, т.е. дикие, глухие, лесные и часто — возвышенные места (4) (Подвысоцкий, 1885. С. 195; СРНГ, 1972. С. 321, 323). Впоследствии многие из них переводились в русский топоним «пастбище», от которого получали названия типа Пасьва русские поселения в Шеньге или Едоме (Список населенных мест., 1922. № 1969, 2276, 2676). Таким образом, можно предположить, что верхний бассейн Кокшеньги как единая местность обозначался низовыми носителями гидронима Кок по племени, её населяющему, – Шень-га с этимологией «Черная река» или «чудской край» (вар.: дикий, лесной-черный). Слияние двух названий произошло в результате «воссоединения» Низа и Верха, что, по всей вероятности, совершилось в ходе равномерного заселения реки, но достаточно поздно, ибо этнонима типа «кокшенгски» так и не образовалось (или он до нас не дошел).

Совокупность «Кокшеньга» можно этимологизировать как «возвышен-

4. Эти названия постоянно встречаются в текстах Грамот Великого Новгорода и Пскова.

ность» и лесистая речная местность». Но поскольку в природном отношении отдельные речные участки сильно различаются, включая и рельеф берегов, то наверняка существовали какие-то их локальные характеристики, отмечающие особенности данной местности. В этом отношении хотелось бы вернуться к названиям *кок-кокша(н)га(ш)*, в прямых и переносных значениях которых заложена природно-сакральная оценка низовой части реки: «каменистое, голое место, негодное для поселения» или «Лысая гора», если использовать одно из значений слова кокшан'аш – «лысеть, лысый». Поэтому этнонима «кокшенгски» не могло возникнуть и в этом случае, поскольку данная местность и с к л ю ч а л а с ь из сферы человеческого житъя и хозяйствования.

Литература

Воронина Т.А. Традиционная и современная пища русского населения Вологодской области / Русский Север. Ареалы и культурные традиции / Ред.-сост. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. СПб., 1992.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II.; Т. IV.

Огородников Е.К. Побережья Ледовитого и Белого морей с их притоками, по Книге Большому чертежу / Зап. ИРГО по Отд-нию этнографии. СПб., Т. 7. 1877 г.

Евсеев В.Я. Проблема летописной меры в свете фольклора прибалтийско-финских народов / Происхождение Марийского народа: Материалы науч. сес., проведенной Мар. НИИ яз., лит. и истории 23—25/ХН 1965 г. Йошкар-Ола, 1967.

Марийско-русский словарь / сост. В.М. Васильев, А.А. Саваткова, З.В. Учаев. Йошкар-Ола, 1991.

Муллонен И.И. Некоторые наблюдения над вепсской географической терминологией / Топонимия Урала и Севера европейской части СССР: Сб. науч. тр. Свердловск, 1985.

Подвысоцкий А. Словарь архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

Попов В. О распределении цен на жизненные припасы по Вологодской губернии / Памятная книжка Вологодской губернии на 1862 и 1863 гг. Вып. I — Вологда, 1863.

Русская историческая география: курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1907—1908 гг. С.К. Кузнецовым Вып. I. М, 1910.

Список населенных мест Архангельской губернии на 1 мая 1922 года. Архангельск, 1922. № 23.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 14. Л., 1978.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подг. к печати и ред. К. Н. Серибиной. М.; Л., 1950.

Финско-русский словарь / Сост. И. Вахрос, А. Щербаков. М., 1975.

Чувашско-русский словарь / Под ред. М.И. Скворцова. М., 1982.

Из статьи Т.А. Бернштам «Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах / Русский Север. К проблеме локальных групп: Сб. / Ред.-сост. Т.А. Бернштам. СПб., 1995. С. 299–305.